

Глава 11. Поесть остринки

— Не пойдет.

Се Жанчэнь неторопливо опустил палочки, приподнял подбородок и указал на большую голову Хэ Чэнчуаня:

— С таким-то видом ты еще хочешь готовить? У меня нет привычки эксплуатировать раненых.

— Зря ты меня недооцениваешь! Эта царапина вообще никак на мне не сказывается.

Хэ Чэнчуань гордо задрал голову:

— Я человек слова: раз сказал, что сегодня ужин с меня, значит, так оно и будет. Не лишай меня права готовить!

Тоже мне, право... Ещё бы это было чем-то хорошим, будто кто-то рвётся соревноваться с ним в кулинарии.

Се Жанчэнь мысленно закатил глаза, не удержавшись от гримасы, и небрежно отмахнулся:

— Ладно-ладно, хочешь готовить — готовь, но давай сначала поедим, м?

Хэ Чэнчуаня задели снисходительный тон и уговоры, с какими обычно обращаются к капризным детям. Он стукнул по столу, требуя внимания:

— Но я еще не договорил! Я веду с тобой серьезный разговор!

— Вот доедим, тогда и поговорим!

Се Жанчэнь дотянулся через стол и решительно сунул палочки обратно в руку Хэ Чэнчуаня, бормоча под нос:

— Если еще помедлим, еда совсем остынет.

Ну... ладно уж, есть холодное вредно для желудка.

Неужели этот ужин, где всё пестрело от красного перца, действительно приготовил Хэ Чэнчуань, который на дух не переносит острое?

Он тут же мысленно вернулся в те времена, когда они вместе обедали в школьной столовой. Тогда Хэ Чэнчуань не просто не ел острое — его даже от запаха перца начинало клонить в чих, поэтому он почти никогда не брал подобные блюда.

Хэ Чэнчуань сердито сжал палочки. Он уступил вовсе не потому, что прогнулся под давлением, а исключительно заботясь о здоровье Жанчэня, и поэтому согласился отложить остальной разговор на потом.

Не хочешь — как хочешь.

— Не дури, у тебя на голове рана, тебе нельзя ничего острого, — вздохнул Се Жанчэнь и сделал вид, что собирается встать и убрать со стола острые блюда, но сидевший напротив человек схватил его за руку.

Закончив ужин, Се Жанчэнь закатил глаза, поднялся из-за стола и убрал почти нетронутые кисло-сладкие свиные ребрышки в холодильник.

Разве этот парень не потерял память? Откуда он знает его вкусы и помнит, что он любит поострее?

Желая получше откормить Хэ Чэнчуаня дома, Се Жанчэнь заранее забил холодильник под завязку. Собирающийся готовить Хэ Чэнчуань заглянул внутрь, довольно кивнул, а затем буквально в два счета — полуобняв и подталкивая в спину — запер Се Жанчэня в кабинете.

Столовая.

— Это... то, что ты приготовил? — Се Жанчэнь не удержался и потер глаза.

Сидевший напротив Хэ Чэнчуань опустил руку и демонически усмехнулся:

— Это я всё специально для тебя приготовил! Попробуй-ка?

После ужина Се Жанчэнь помог Хэ Чэнчуаню разобрать вещи и аккуратно расставить предметы первой необходимости. Всего через несколько часов некогда холодная и пустая квартира преобразилась, наполнившись теплом домашнего очага на двоих.

Справившись с вещами Хэ Чэнчуаня, они быстро подошли к моменту, когда пора было браться за ужин.

Впрочем, воспользовавшись моментом, он как раз успел бы разобраться с делами, накопившимися за последние дни.

Услышав это, Се Жанчэнь замер, снова поднял взгляд на Хэ Чэнчуаня, который старательно принимал эффектную позу, едва не сводящую скулы, и каким-то чудом уловил в его глуповатом выражении лица тень глубокой страсти.

— Не нужно.

Находясь за закрытой дверью, Се Жанчэнь невольно фыркнул: подума подумаешь, ужин приготовить, а секрету-то сколько.

— Угу, знаю-знаю.

К тому моменту, как Се Жанчэнь закончил с рабочими делами, Хэ Чэнчуань как раз успел закончить готовку.

Не считая тех самых нетронутых кисло-сладких ребрышек, которые он просто разогрел, во всех остальных блюдах щедро красовался перец чили. Для любителей остринки такое изобилие стало бы раем, но Хэ Чэнчуань явно в эту категорию не входил.

Однако, стремясь продемонстрировать твердость характера и принципиальность, Хэ Чэнчуань до самого конца не притронулся ни к одному ребрышку из целой тарелки — он предпочитал смотреть на мясо и в сухомхмятку заглатывать рис, но не сделал ради них ни единого движения палочками.

— Пока я не приготовлю еду, сиди в комнате и не выходи, и даже не пытайся подглядывать или принюхиваться, иначе я разозлюсь! Понял?

Логично было предположить, что нынешний Хэ Чэнчуань никак не мог вынести из той стертой памяти знание о его любви к острому.

Так откуда же он запомнил? Или не забывал никогда?

Его сердце вдруг кольнуло так остро, что даже в носу неприятно защемило.

Под пристальным взглядом Хэ Чэнчуаня Се Жанчэнь взял палочки, отправил в рот кусочек вареного мяса в перце и осторожно распробовал: в самый раз, именно та степень остроты, которую он так любил.

Он невольно шмыгнул носом и, тронутый до глубины души, произвел:

— Ты...

Когда он успел научиться?

— Не смей плакать!

— ?

— Даже если очень остро, плакать запрещено!

Се Жанчэнь поднял голову, демонстрируя растерянный взгляд, а вокруг покрасневших от нахлынувших чувств глаз еще теплился влажный блеск: это что за поворот?

Сидевший напротив Хэ Чэнчуань напустил на себя суровый вид:

— Я тебе не Хэ Чжоу, чтобы целыми днями потакать твоей тяге к сладкому. Я сам безумно люблю острое, и ради гармонии в нашей будущей семье я хочу, чтобы ты как можно скорее привык к моим вкусам.

Се Жанчэнь: «...» С каких это пор ты вдруг стал любителем острого?

Остатки умиления испарились без следа, оставив после себя лишь глухое недоумение. Что вообще здесь происходит? Почему ему кажется, что всё идет как-то не так?

По выражению лица Се Жанчэня Хэ Чэнчуань понял, что тому нелегко. Он глубоко вздохнул, изо всех сил стараясь не поддаваться на жалости из-за «готового расплакаться» вида Се Жанчэня.

Конечно, заставить законченного сладкоежку вроде Жанчэня внезапно полюбить перец чили — задача не из легких, но ради того, чтобы Жанчэнь тоже приобщился к любимому им вкусу, он был вынужден пойти на это! В конце концов, гармония в еде — важнейшая часть отношений между супругами.

Хэ Чэнчуань украдкой сжал кулаки, а в его голосе зазвучали непреклонные нотки:

— Я понимаю, что есть острое для тебя, пожалуй, трудновато. Но чтобы помочь тебе побыстрее привыкнуть к моим предпочтениям, я даже разработал специальный план.

Се Жанчэнь устало приложил руку ко лбу:

— И что за план?

Хэ Чэнчуань гордо расправил плечи:

— С сегодняшнего дня всю еду в доме готовлю я! Я лично буду приучать тебя к острому, и в конце концов твой уровень выносливости догонит мой!

И тогда этот привереда Хэ Чжоу больше не сможет вертеться возле Жанчэня, хм!

Се Жанчэнь нахмурился:

— Но нельзя же делать почти все блюда острыми!

Он действительно любил перчинку, но, заботясь о связках, всё же предпочитал не превышать норму по три раза на дню, особенно учитывая травму головы у самого Хэ Чэнчуаня.

— Не переживай, сегодня я просто слегка продемонстрировал возможности.

Хэ Чэнчуань крайне вежливо назвал свою «демонстрацию силы» и великодушно пояснил:

— Просто чтобы ты составил первое впечатление и понял, на каком уровне нахожусь я, а дальше мы будем постепенно сближаться. Я же не заставляю тебя с самого начала питаться исключительно острым! Он ведь подходит к делу научно!

Се Жанчэню уже даже не хотелось язвить. Подперев подбородок рукой, он указал палочками на блюда:

— А сам-то ты что будешь есть?

— Я съем вот это.

Хэ Чэнчуань придвинул к себе тарелку с кисло-сладкими ребрышками и даже прикрыл ее рукой:

— Это тоже ради твоего же блага! Если вечно сидеть в зоне комфорта, как ты научишься смело пробовать новое?

Се Жанчэню стало смешно:

— Разве ты не говорил, что не любишь их?

— Ничего страшного, ради тебя я могу заставить себя привыкнуть.

Хэ Чэнчуань глубоко вдохнул и, с видом человека, принявшего величайшее решение в своей жизни, откусил кусок ребрышка:

Мясо, тушенное до абсолютной мягкости, таяло во рту, стоило чуть потянуть — и оно само отходило от кости. А благодаря повторному разогреву вкус проник даже в самую глубь волокон, пропитавшись сладко-кислым соусом.

Мм... как вкусно...

Мм-м...

Даже после умывания, уже лежа в постели, Се Жанчэнь продолжал терзаться загадкой внезапной любви Хэ Чэнчуаня к острому.

Разве вкусовые привычки человека могут так круто измениться?

Если он не выяснит это прямо сейчас, то сегодня точно не сможет уснуть.

Прикинув разницу во времени и убедившись, что не побеспокоит мать Хэ Чэнчуаня посреди ночи, Се Жанчэнь аккуратно отправил сообщение:

[Мама, что происходит с Хэ Чжоу? Насколько я помню, в старшей школе он терпеть не мог острое, а теперь, едва выписавшись из больницы, требует перца.]

Госпожа Хэ — полукровка, родившаяся в смешанном браке. Хотя большую часть времени она проводила за границей, она искренне верила в традиционную китайскую медицину и народные методы. Получив весточку, она тут же заволновалась и ответила:

[Ой, ну что ты, так нельзя! Перец — продукт тяжелый, с ним рана будет заживать хуже. Жанчэнь, присмотри за ним хорошенько, лучше вообще не давай ему ничего острого и раздражающего.]

Се Жанчэнь ответил: [Мама, не переживайте, я за ним слежу. Но всё же, когда он успел полюбить острое? Я даже не знал.]

Госпожа Хэ ненадолго задумалась: [Кажется, после того, как перед третьим годом старшей школы он вернулся из Китая. Самое странное — человек, который раньше вообще не выносил перца, стал уплетать его до покрасневших щек, и никак было не остановить. Впрочем, со временем он привык.]

Перед третьим годом старшей школы... Разве не тогда они расстались?

Се Жанчэнь остолбенел.

Пока он застыл в растерянности, источник тепла незаметно придвинулся сзади:

— Жанчэнь...

— М?

Се Жанчэнь невозмутимо перевернул телефон экраном вниз и оттолкнул руку, попытавшуюся обхватить его за талию:

— Чего это ты не спишь на своей половине кровати, приперся ко мне?

Чтобы случайно не задеть голову Хэ Чэнчуаня во сне, Се Жанчэнь специально положил длинную мягкую подушку, разделив постель строго по центру.

Сейчас Хэ Чэнчуань сидел задом как раз на этой ненавистой ему подушке и, жалобно хныча, произвел:

— Я пришел исполнить свой долг.

— Долг? Супружеский долг?

Се Жанчэнь двусмысленно усмехнулся, и когда Хэ Чэнчуань уже собирался скромно кивнуть, резко переменялся в лице:

— Отменяется, топай обратно.

— Это еще почему! — Хэ Чэнчуань тут же засуетился, начисто забыв про всякую скромность и смущение.

Он же так долго этого ждал!

— Успокойся, на свою голову посмотри! — Се Жанчэнь даже смотреть не мог на это жалобное выражение лица, отвернулся с брезгливым видом и тихо пробормотал:

— И ведь не стыдно кружиться с такой-то травмой...

— Неправда!

Хэ Чэнчуань, обычно с невероятным успехом притворявшийся глухим, мгновенно обрел отменный слух. Он тут же опустился на колени прямо в постели, упер руки в боки и заявил полным сил голосом:

— Я сейчас тебе докажу!

— Эй, погоди —

Под испуганный возглас Се Жанчэня Хэ Чэнчуань, не успевший вовремя остановиться, закутил головой из стороны в сторону, словно китайский барабанчик.

С такой скоростью у любого здорового человека закружится голова!

И точно: стоило ему сделать пару оборотов, как раздался сонно-бормочущий голос Хэ Чэнчуаня:

— Жанчэнь, почему ты всё время кружишься... мне, кажется, я немного... того...

Остальные слова окончательно смазались, превратившись в неразборчивое урчание где-то в горле — точь-в-точь как у огромного пса, которого погладили в самых приятных местах.

Глядя на Хэ Чэнчуаня, который под предлогом головокружения прикрыл глаза и устроился прямо у него на коленях, отказываясь встать, Се Жанчэнь почувствовал, как на дне его глаз проступает смесь беспомощности и нежности.

— Ну до чего же дурной, — он протянул руку и легко ткнул Хэ Чэнчуаня в щеку. — Разве не знал, что укачает?

— Хм!

Словно выражая крайнее недовольство, лежавший на спине Хэ Чэнчуань перевернулся, увернувшись от его пальца, но тут же потерял лицом о его живот, продолжая что-то невнятно бормотать, но подниматься по-прежнему не собирался.

И правда, с каждым днем становится всё больше похож на глупышку.

Опустив взгляд, Се Жанчэнь тихонько наклонился и невесомо коснулся губами макушки Хэ Чэнчуаня.

<http://bllate.org/book/22056/2293452>